

А.А. Шульга¹, Д.П. Шульга¹, М.О. Сидорова²

¹Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: alkaddafa@gmail.com

Рисоводческие обряды «малых народов» юго-западного Китая (Юньнань) как возможный ключ к семантике наскальной композиции в уезде Цаньюань

Потенциально продуктивная для исследования и интерпретаций неолитическая петроглифическая композиция «план селения» (村落图) (она же «композиция № 2») на юго-западе Китая обнаружена в Цаньюане, пров. Юньнань, где с 1960-х гг. шли активные изыскания. На фоне достаточно подробной картины традиционной рисоводческой обрядности у национальных меньшинств пров. Юньнань авторы предлагают отличную от принятой интерпретацию наскального изображения «план селения», связывая ее не с «военным триумфом», а с ритуальными действиями земледельческого цикла. Вводится в научный оборот определенный объем материалов в русле не столь частой для отечественного востоковедения темы рисоводческой обрядности народов Дальнего Востока. Рассматриваются два основных земледельческих ритуала («посадка риса» и «проба нового урожая») у ачанов (阿昌族), буланов (布朗), палаунгов (они же дэаны, 德昂族), дулунов (独龙族), дино (基诺), качинов (они же цзинпо, синпхо, цайва, лечи, тхейнбо, синфо, чхинпай, 景颇族), ну (怒族), пуми (普米族). Основная причина такого охвата – заведомая приблизительность любых попыток связать древний памятник с той или иной современной этнокультурной группой даже в таких достаточно стабильных с точки зрения населения регионах, как Юго-Западный Китай, и при наличии схожих черт проведения рисовых обрядов у разных народностей.

Ключевые слова: Юньнань, петроглифы, рисоводство, сбор урожая, земледельческие ритуалы, Юго-Западный Китай.

Anna A. Shulga¹, Daniil P. Shulga¹, Maya O. Sidorova²

¹Siberian Institute of Management – Branch of RANEP, A
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: alkaddafa@gmail.com

Rice Cultivating Rituals of the Indigenous Ethnic Minorities in the Southwestern China (Yunnan) as a Possible Key to the Meaning of the Petroglyphic Composition from Cangyuan County

Neolithic petrolyphic composition “plan of the settlement” (村落图) (also called “composition No. 2) was discovered in Cangyuan County of Yunnan Province in Southwestern China, where active research has been carried out since the 1960th. In this article, the authors offer an alternative interpretation of this petrolyphic composition based on the knowledge of rituals of the indigenous ethnic minorities living in Yunnan Province, associated with traditional rice cultivation. In authors’ opinion, there may be a link between the composition and ritual activities of the agricultural cycle rather than “military triumph.” Some evidence on rice cultivating rituals of the peoples living in the Far East, not easily available in Russian literature, is presented. Two main agricultural rituals (“rice planting” and “testing new harvest”) among the Achans (阿昌族), Bulans (布朗), Palaungs (or Deans, 德昂族), Duluns (独龙族), Dino (基诺), Kachin (or Jingpo, Sinpo, Tsaiva, Lechi, Theinbo, Sinfo, Chinpau, 景颇族), Nu (怒族), and Pumi (普米族) peoples have been

analyzed. The main reason for such wide scope is obviously hypothetical nature of linking the ancient petroglyphic site with a particular present-day ethnic group even in such ethnically stable regions as Southwestern China and with similar features of rice-related rituals among different peoples.

Keywords: Yunnan, petroglyphs, rice cultivation, harvesting, agricultural rituals, Southwestern China.

Цаньюань-Ваский автономный уезд (относится к городскому округу Линьцан, пров. Юньнань) достаточно широко известен в КНР своими петроглифическими памятниками [Ван Шэнхуа, 2013, с. 396]. С точки зрения возможной вариативности интерпретации заслуживает подробного рассмотрения неолитическая петроглифическая композиция, именуемая в китайской науке «план селения» (村落图). Точно датировать находку сложно, возможно, она относится к началу III тыс. до н.э. (рис. 1).

Изображение содержит в центре овальное кольцо, отмечающее границы деревни. Также оно, возможно, означает стену или ров, используемые в качестве фортификации. Внутри поселения расположены шестнадцать хорошо различимых построек – это хижины на сваях. Сваи нижней части дома соединены с представленными овальным кольцом границами деревни. Поэтому дома сверху и по бокам перевернуты. Таким образом, на изображениях переднего края крыша обращена вверх, столбы стоят на нижней части овального кольца; у дома на заднем плане крыша «смотрит вниз», а столбы соединены с верхним краем овала, т.е. «вверх ногами»; у дома слева столбы также

соединены с боковой линией, поэтому здание изображено как бы «лежа». Видимо, намерение древнего художника (или группы таковых) состояло в том, чтобы показать: овал обозначает ограду деревни, а дома соотносятся с ней. Каждый дом построен на земле в пределах кольца, поэтому одни здания ровные, другие – на боку, третьи – перевернутые. На изображении видно: дома расположены упорядоченно, что может свидетельствовать о развитой социальной организации. Большой дом, расположенный в центре, – место для общественных собраний или место проживания лидера; меньшие хижины вокруг – жилые дома для людей; строения за пределами поселения могут быть зернохранилищем или «постом охраны». Примечательно, что дома внутри деревни можно разделить на две группы: расположенные слева не покрыты краской, справа – окрашены. То же самое относится к двум большим домам в центре. Возможно, это отражает некоторую социальную дифференциацию, причем скорее горизонтальную, чем вертикальную. Стоит отметить, что на композиции четко показаны дороги (тропы) вокруг деревни: их много, они пересекаются. Пунктирными ли-

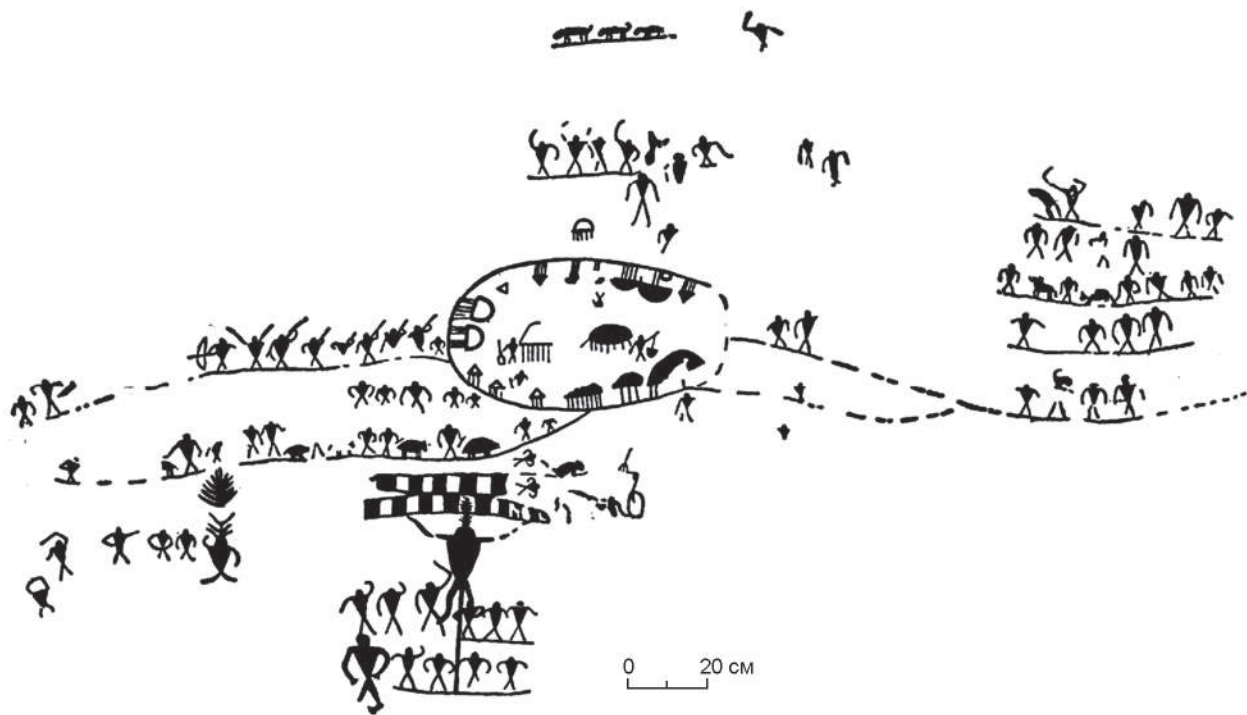

Рис. 1. Наскальное изображение «деревни» из Цаньюань-Ваского автономного уезда (городской округ Линьцан, пров. Юньнань) [Лю Юнцзянь, 2003, с. 24].

Рис. 2. Наскальное изображение воинов из Цаньюань-Ваского автономного уезда (городской округ Линьцан, пров. Юньнань) [Лю Юнцзянь, 2003, с. 24].

ниями могут обозначаться тропы (возможна иная трактовка). С левой стороны деревни две дороги. В правой части петроглифическая композиция повреждена, но можно распознать четыре «тропы»; также есть «дорога» сверху. Со всех сторон от «деревни» за пределами стен (сверху, снизу, слева и справа) изображены группы людей («шествия»). Интерпретация «композиции № 2» («план деревни») в китайской исследовательской литературе дается, например, следующая: *воины возвращаются из успешного похода, несут домой трофеи и ведут захваченный скот* [Сяо Дунфа, Гао Лилай, 2014, с. 86–87].

Однако, в отличие от происходящих из того же автономного уезда композиций (рис. 2) [Лю Юнцзянь, 2003, с. 24], изображенное на «композиции № 2» шествие людей не выглядит особенно военизированным. С высокой долей уверенности можно назвать вооруженной лишь одну фигуру с луком (группа слева), что сложно толковать как типичную маркировку триумфального возвращения отряда воинов.

В связи с вышесказанным, целью настоящей статьи является выдвижение авторской интерпретации наскальной композиции «план селения» из у. Цаньюань, в ходе аргументации которой мы также вводим в оборот ранее не публиковавшиеся этнографические сведения об обычаях коренного населения китайского юго-запада.

В пров. Юньнань у целого ряда народов сохранился достаточно архаичный пласт обрядности земледельческого цикла [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли

Хэн, 2016]. Каждая из местных народностей в ходе развития своей агрикультуры сформировала сложную структуру, включающую хозяйствование, распределение, уникальные ритуальные действия, религиозные верования и способы поддержания экологического баланса, проистекающие из окружающих природных условий. Основной целью рисоводческих ритуалов, являющихся важной частью культурной жизни народов Юньнани и их сельскохозяйственного цикла, было повышение урожайности. В ритуале сплетаются верования в сверхъестественную связь неба, земли с людьми, с одной стороны, и агрикультурный опыт – с другой. Можно сказать, что в рамках рисоводческой обрядности организуется деятельность крестьян. Из национальных меньшинств Юньнани *ачаны, буланы, палаунги (дэаны), дулуны, дино, качины* (они же *цзинпо, синпхо, цайва, лечи, тхейнбо, синфо, чхинпау*), *ну, пуми* – являются самыми малочисленными.

Этнические меньшинства Юньнани и всего Юго-Западного Китая издревле проводят ритуалы перед началом сева. Например, в *ачанском* языке название духов-покровителей земледелия тесно связано с периодом высадки риса. Символом здесь выступает корзина с рисовыми колосьями. Каждый год, перед «открытием ворот посева» (начало высадки риса), ачаны проводят церемонию, в ходе которой вставляют цветущие ветви (чаще всего – сливы) в центр поля. При этом произносятся слова следующего содержания: «Пусть наш рис будет столь же красив, как цветы; пусть будут зер-

на крупными, как сливы; пусть урожай наш будет обильным». Затем помещают в землю три саженца, и тем самым ритуал «открытия ворот посева» завершается, можно начинать новый сельскохозяйственный цикл. Кроме того, посреди каждого нового поля втыкается пучок рассады, именуемый «царь рассады», и уже потом вокруг высаживается остальной рис. Во время «закрытия ворот посева» (окончание высадки), чтобы задержать духов на поле, ачаны оставляют там пучок рассады, обтирают свои руки, ноги и инструменты. Затем приносят недалеко от поля жертвы (часто кур), и лишь потом отправляются домой. Во время уборочной кампании ачаны приносят в качестве жертвы куриные яйца или мясо кур. По представлениям этого народа, если при помещении риса в амбар не провести необходимые ритуалы и не почтить сверхъестественные силы, собранный урожай может испортиться или его количество уменьшится.

Интересна церемония сбора урожая у народности *дино*: она посвящена призыву духов и в языке дино дословно называется «амбар старейшины» (国老库). Главы семей берут кур на поля, птицы собирают оставшиеся на поле зерна и роются в грунте. Затем курицу несут домой. По дороге начинают призывать духов, оберегающих сельскохозяйственную деятельность дино. На каждом перекрестке оставляют пучок рисовой соломы, чтобы сверхъестественные существа не заблудились. По возвращении домой колосья делят на две части: одну помещают в амбар, вторую – в жилище. Именно те колосья, что оставляют дома, должны символизировать успешное взаимодействие с духами. После разделения урожая глава семьи режет в амбаре курицу (либо, если семья может себе позволить, корову или свинью – перед амбаром), кровью жертвенного животного покрывают стены, потолок и ворота зернохранилища. «Кистью» в данном случае служат обычно петушиные перья. Голова жертвенного животного (не важно, курицы или свиньи) вешается на ворота также как дань духам. Божествам могут быть «предложены» алкогольные напитки и закуски. Все вышеописанное вкуче с молитвами должно приносить обильный урожай на будущий год. Похожим образом отмечают окончание уборочной кампании *качины*. Призыв духов осуществляется в ходе молотбы и сразу после. Качины верят, что во время молотбы духи могут испугаться и уйти. Значит, после завершения обмолота риса их нужно приманить назад, дабы на следующей год урожай также был обильным. Для этого оставляются два растения, именуемые «отец и мать поля». На следующий год во время посевной кампании их «возвращают домой», что должно бы гарантировать хорошие всходы, ибо

вместе с парой растений возвращаются и духи рисоводства [Там же, с. 47].

Поклонение сверхъестественным покровителям, как мы видим, происходит как в ходе посевной, так и в ходе уборочной кампании. *Дэаны* (*палаунги*) осуществляют «дарения духов» в начале сельскохозяйственного цикла. Важно отметить, что историю культивации риса у палаунгов можно проследить с первых веков нашей эры (эпохи Западная Хань (206 г. до н.э. – 24 г. н.э.), Троецарствия (220–280 гг. н.э.) и Цзинь (265–420 гг. н.э.)). За тысячу лет, к эпохе Юань (1279–1368 гг.), дэаны стали одной из самых передовых в области рисоводства этнических групп в регионе [Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин, 2016, с. 50]. Но информацию эту мы черпаем из внешних (по отношению к палаунгам) нарративных источников и археологии, ибо язык дэанов не имеет письменности. Дэаны весьма близки по культуре и верованиям более крупной народности *дай*. Потому их рисоводческие традиции практически неразделимы. Каждый год после праздника *Цинмин* (清明, вскоре после весеннего равноденствия) дэаны начинают пахать. Во время работы женщины беспрестанно призывают духов-покровителей полей, произнося молитвы следующего содержания: «Эй! Эй! Эй! Вернись, дух! Приди на землю, защити наши посевы, не дай оленям их испортить и вытоптать». Подобные призывы о помощи не случайны, ибо местные дикие копытные (например, олень-мунтжак) сильно вредят полям. Ритуал продолжается вплоть до окончания пахоты. В четвертый месяц лунного сельскохозяйственного календаря проходит ритуал поклонения духам. В установленное время все население деревни, взяв с собой скот, отправляется на ритуальный сев полей. Скот приносится в жертву в непосредственной близости от поля, после чего начинают высаживать рис. Похожие действия палаунги совершают в ходе ритуальной прополки. Данный обряд обычно осуществляют в мае. В установленное время в изголовье кровати главы семьи ставится наполненная жертвенными продуктами бамбуковая корзинка. В ней, помимо мяса, овощей и риса, вставлены цветные флажки. До того, как пробовать рис нового урожая, во второй и третьей декаде каждого месяца главы семьи добавляют продукты в жертвенную корзинку. Когда приходит пора варить новый рис, содержимое корзинки полностью заменяется [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн, 2016, с. 48].

Весьма своеобразные рисовые ритуалы сложилась у *дулунов*. Эта народность проживает в изрезанной ущельями местности, так что пригодных для выращивания поливного риса земель у них немного, а те, что есть, сосредоточены в среднем

и нижнем течении р. Дулун [Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин, 2016]. Во время посевной кампании дулуны проводят ритуальные практики, но они направлены не на привлечение духов-покровителей, а на изгнание злых демонов, *булань* (布兰). В первобытной анимистической религии дулунов *булань* играют роль главных темных существ, окружающих людей и вредящих им. Демоны-*булань* могут оборачиваться различными зверями и птицами, отпугивают добрых духов-покровителей. Если это происходит, то урожай под угрозой. В итоге люди должны отогнать темные силы, сохранить светлые силы плодородия и собрать хороший урожай риса.

Как и в других регионах с устойчивой рисоводческой традицией, у «малых народностей» пров. Юньнань есть обычай *пробовать* новый урожай. Он порой существенно различается в деталях. Например, палаунги проводят ритуал до основной жатвы, и при этом точной даты для всего поселения нет – каждая семья действует индивидуально. В выбранное время берется небольшое количество риса нового урожая; потом старые и новые зерна варятся отдельно; затем одни укладываются поверх других. Обычно получившуюся вареную крупу с овощами преподносили предкам и добрым духам в качестве жертвы; часть риса заворачивается в листья и этим кормят собак и коров. (По мифам палаунгов собака помогла человеку найти зерна риса, а крупный рогатый скот в реальной земледельческой практике этой народности играет колоссальную роль.) Потом старейшие члены семьи пробуют оставшееся блюдо, и лишь после этого вся семья приступает к ритуалу пробы нового урожая.

У других этнических групп день пробы нового урожая избирает предводитель (старейшина) или знахарь. Поэтому для всего коллектива это не только грандиозный праздник, но и важный день для поклонения предкам. Подобную практику мы видим, например, у *качинов*. Они активно отмечают «День нового урожая», причем не только как сельскохозяйственный, но и как религиозный праздник в системе своих традиционных верований. Свежие колосья риса должна собирать в нарядный костюм пожилая женщина в заплечную корзину, причем последняя декорируется свежими цветами. Вначале собранное несут в дом старейшины, где молодая девушка толчет рис, затем передает его знахарю, который приносит жертву. После этого рис нового урожая раздается рядовым семьям; они кормят собак, что привлекает, по представлениям качинов, духов-покровителей земледелия. Похожий ритуал отмечается и у народности *дино*. В соответствии с календарными традициями этого народа, при участии старейшин в период перед сбором риса выбирается «День тигра», когда

и пробуют новый урожай: первыми – старейшины, а затем и рядовые члены сообщества. Каждый глава семьи берет с собой курицу на первый ритуальный сбор текущего года. Очень важно: слышатся ли по пути крики оленя-мунтжака. Если животное подало голос, то необходимо вернуться домой и выбрать более счастливый день. Когда удастся все же получить рисовые колосья нового урожая, зерна толкут. Вначале приносят жертвы на специальных алтарях, потом начинается варка риса. В это же время режут и варят тех самых кур, которых носили на поле. Из приготовленного приносятся жертвы предкам. Знахарь читает заклятия против злых духов и тем защищает членов каждой семьи от бедствий. Как уже говорилось, по обычаям *дино* рис должен сначала пробовать знахарь и главы уважаемых семей, остальные члены коллектива не могут при этом присутствовать. Лишь *после* старейшина открывает дверь и приглашает соседей попробовать продукты нового урожая всем вместе [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн, 2016, с. 48–49].

Описанные варианты рисоводческих обрядовых действий коренного населения пров. Юньнань, пусть и в современном их состоянии, но уходящие в глубокую традицию, могут стать *ключом к одному из «прочтений»* наскальной «композиции № 2» («план селения») из Цаньюань-Ваского автономного уезда *в рамках земледельческого ритуала*. Наличие борозд, которые можно трактовать и в земледельческом контексте, наличие сложного сельскохозяйственного культа в Юньнани, подразумевающего, помимо прочего, жертвоприношения, пиры, мероприятия за пределами поселения, взаимодействие с духами, обрядовое использование оружия и орудий труда. Все эти элементы мы, так или иначе, можем видеть и на т.н. «плане селения»: неолитические рисоводы за поселением проводят празднования с жертвоприношениями, в то время как их соплеменники готовят пир в самой деревне.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Список литературы

Ван Шэнхуа Сицзюйдэ фашэн юй бэньчжи (Возникновение и сущность театра). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. – 459 с. (на кит. яз.).

Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин. Юньнань жэнькоу цзяошао миньцзу шиши чжун чуаньтун нунье сысяндэ яньцзю (Сельскохозяйственные мотивы

в традиционном эпосе малых народов провинции Юньнань) // Юньнань нунье дасюэ сюэбао. – 2016. – № 10 (3). – С. 49–53 (на кит. яз.).

Лю Юнцзянь. Жэньмянь юйсин сы няо вэнь дуньпай вэньти чутань (К вопросу о щитах в виде рыбы с человеческим лицом, имеющих орнитоморфный орнамент) // Чжунго гудай тунгу яньцзю тунсюнь. – 2003. – № 17. – С. 22–24 (на кит. яз.).

Сяо Дунфа, Гао Лилай. Яньхуа гуянь (Традиционное чтение петроглифов). – Пекин: Сяндай чубаньшэ, 2014. – 165 с. (на кит. яз.).

Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн. Юньнань жэнькоу цзяошао миньцзу даоцзо иши таньцзю (Углубленное изучение рисоводческой обрядности у малых народов провинции Юньнань) // Юньнань нунье дасюэ сюэбао. – 2016. – № 10 (3). – С. 46–49 (на кит. яз.).

References

Liu Yongjian. Renmian yuxing si niao wen dunpai wenti chutan [About the ornithomorphic ornament shields in shape

of a fish with a human face]. *Zhongguo gudai tonggu yanjiu tongxun*, 2003, vol. 17, pp. 22–24 (in Chin.).

Wang Shenghua. Xijude fasheng yu benzhi [The Origin and Self of Theatre]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2013, 459 p. (in Chin.).

Xiao Dongfa, Gao Lilai. Yanhua guyun [Traditional reading of petroglyphs]. Beijing: Xiangdai chubanshe, 2014, 165 p. (in Chin.).

Yin Yanjuan, Pan Yang, Qin Ying. Yunnan renkou jiaoshao minzu shishi zhong chuantong nongye sixiangde yanjiu [Agricultural motives in the traditional epic of the Yunnan national minorities]. *Yunnan nongye daxue xuebao*, 2016, vol. 10 (3), pp. 49–53 (in Chin.).

Zhu Yingqi, Qin Ying, Li Heng. Yunnan renkou jiaoshao minzu dao zuo yishi tanjiu [Research of the Yunnan national minorities rice cultivation]. *Yunnan nongye daxue xuebao*, 2016, vol. 10 (3), pp. 46–49 (in Chin.).

Шульга А.А. <https://orcid.org/0000-0003-3006-5342>

Шульга Д.П. <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Сидорова М.О. <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>